

Л. Н. Мыльников^{1,2}, И. А. Дураков³, Т. И. Нохрина^{1,2},
Н. А. Кулик¹, В. П. Мыльников^{1,2}, Л. С. Кобелева²

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

³ Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, 630126, Россия

E-mail: kulik@archaeology.nsc.ru;
liudmilamy@mail.ru; idurakov@yandex.ru

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ *

В статье на основе комплексного анализа материалов базовых археологических объектов Западной Сибири рубежа бронзового и железного веков выдвигается идея о производственной специализации некоторых поселений на определенном виде деятельности, выражающемся в получении отдельного вида продукта в количестве, превышающем потребности населения поселка.

Ключевые слова: Западная Сибирь, поздняя бронза, ранний железный век, переходное время, поселения, специализация, технокомплекс, минералогия, трасология.

На современном этапе изучения истории человеческих сообществ транзитного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на территории лесостепной зоны Западной Сибири исследователями констатируется, что хозяйство населения характеризуется как комплексное и многоотраслевое. В хозяйственный комплекс вводятся скотоводство, охота, рыболовство, бронзолитейное и керамическое производство. Некоторые авторы в этот список включают земледелие [Борзунов, 1992; Зах, 1997; Мжельская, 2005; Папин, Шамшин, 2005; Сидоров, 1989; Троицкая и др., 1989; Чича..., 2001; 2004; 2009]. Как правило, выявляется общий характер хозяйства, причем имеется тенденция объединения выделен-

ных отраслей – отмечается кооперация видов, но степень их преобладания не указывается.

Само понятие «специализация» применительно к реконструкциям, выполненным на основе археологических данных, находится в стадии разработки. Одним из исходных теоретических построений российской археологической науки является положение о социально-экономическом развитии как о движущей силе исторического процесса, которое и обусловило особое внимание к развитию хозяйства. Начало этого направления было положено в 20-е гг. XX в. Объединившиеся в группу молодые ученые (так называемое «новое археологическое направление») пришли к заключению, что рас-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-00398а); гранта Президента РФ НШ-5107.2010.6.

смотрение «всякого общественного строя надо начинать с его основы, его экономики» [Смирнов, 1928. С. 72; Генинг, 1982. С. 103]. Для этого было необходимо интенсивно изучать древние поселения [Брюсов, 1926; Киселев, 1928], следствием чего стало внедрение методики раскопок большими площадями, разработанной советскими археологами в 30-е гг. прошлого века [Викторова, 1984. С. 7]. В качестве одного из векторов нового направления становится изучение обмена, общественного разделения труда и, как следствие, констатация зарождения специализации производства. К началу 60-х гг. XX в. были разработаны и внедрены методы (трассологический, планиграфический и функциональный), которые позволяют фиксировать признаки специализации на исследуемых археологических памятниках [Массон, 1971а. С. 101; 1971б. С. 3–4]. Накопление материалов привело к выявлению одного из уровней специализации – поселенческого. Впервые на дисбаланс распределения отдельных видов производств среди замкнутой группы археологических памятников обратил внимание И. Н. Хлопин [1964. С. 131–132]. Существуют и этнографические аналогии специализации отдельных общин у целого ряда этнических групп [Бутинов, 1960. С. 112–113].

В данной работе под термином «специализация» понимается акцент на какой-либо отдельной сфере (отрасли) хозяйственной деятельности. Сегодня можно выделить три вида специализации в рамках изучения хозяйства. Первый – специализация в рамках какой-либо отрасли: домашнее производство, специализированное производство [Гаврилюк, Усачук, 1999; Дураков, Мильникова, 2004; Мильникова, Дураков, 2004]. Второй вид – специализация поселков на определенном типе производства, как правило, бронзолитейном, например Мосоловское поселение [Пряхин, 1993]. Третий вид – региональная специализация, например горнометаллургические области [Черных, 1970; Черных, Кузьминых, 1989]. Таким образом, можно говорить о трех уровнях специализации в древности: индивидуальной, общественной (коллективной), территориальной (региональной).

Примеры комплексного подхода к изучению отдельных памятников с выделением не только видов производства, но и отдельных направлений специализации, в литера-

туре имеются [Пряхин, 1993; 1996; Рынди-на, 1998]. Следует подчеркнуть, что для объективного анализа корректно использовать данные, полученные из полностью раскопанных археологических памятников или памятников с большой площадью вскрытия.

В нашей работе анализируются материалы однокультурных памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: поселения Линёво-1, городищ Завьялово-5 и Чича-1, на основе которых предложен сценарий производственной специализации отдельных поселений преимущественно на каком-либо одном виде деятельности. Можно предположить, что следствием этого было получение какого-то одного вида продукта в количестве, превышающем потребности его производителя.

Для южной части региона базовым памятником в настоящее время является поселение Линёво-1 (Новосибирская обл., Тогучинский р-н, берег старицы р. Ини) с раскопанной сплошной площадью 2 954 кв. м [Зах, 1997; Мильникова и др., 2003; 2004; 2005]. Хозяйство его обитателей многоотраслевое. Остеологический материал свидетельствует о том, что основу составляло развитое скотоводство [Васильев, Мильникова, 2005. С. 264]. Скопление шлаков, всплесков, фрагментов литейных форм и тиглей указывают на наличие развитого металлообрабатывающего производства [Дураков, Мильникова, 2004. С. 208–209]. Зафиксированы остатки, свидетельствующие о гончарном [Молодин, Мильникова, 2005] и косторезном производстве. Выявленные отрасли хорошо представлены находками, однако в вещевых материалах памятника фиксируется преобладание каменных орудий. Эта особенность поселения была отмечена и первым исследователем [Зах, 1997. С. 106], при этом в микрорайоне отсутствует сырье, пригодное для их производства. Однако масштаб дисбаланса в орудийном комплексе стал ясен только после вскрытия всех визуально фиксируемых сооружений поселения и значительной части межжилищного пространства в процессе работ 2003–2005 гг.

Морфологический, трассологический, статистико-планиграфический анализ материалов памятника, прежде всего – из камня, позволил выделить производственные площадки по обработке шкур (кожи и меха),

а их количество на территории памятника – поставить вопрос о специализации всего поселения. Судя по прослеживаемым остаткам, масштабы и интенсивность данного производства, по всей видимости, превышали потребности населения поселка в коже и шкурах.

Коллекция предметов из камня на поселении Линёво-1 насчитывает 2 455 экз. Среди них: 17 наконечников стрел, 16 проколов, 132 пластины, 469 скребков, 17 нуклеусов, 1 700 отщепов, три каменные литейные формы, 16 абразивов, четыре мотыги, 31 отбойник и 50 галек без видимых следов использования. С первичным расщеплением связаны скопления отщепов, нуклеусы и отбойники. В распределении этих категорий предметов по раскопанной территории памятника прослеживается устойчивая взаимосвязь (рис. 1, 2). В жилище 17 найдено

212 отщепов, пять нуклеусов и шесть отбойников. Заметная концентрация отщепов прослеживается у очагов в центре котлована и в районе ям № 1 и 2, расположенных у его южной стенки. У ямы № 2 найдены два нуклеуса и отбойник, еще два нуклеуса находились у очага. Видимо, эти участки можно трактовать как производственные площадки по изготовлению каменного инвентаря. Значительное количество отщепов (336 экз.) зафиксировано в котлованах трехкамерного жилища 15. Большая часть из них (209 экз.) найдена в первой, самой большой камере-полуземлянке. Основная масса находок сделана у очага и в районе обширного углубления неправильной формы в северо-восточном углу жилища. Наблюдается также перемещение отщепов от очагов к переходу в соседнюю камеру, видимо, вследствие разноса по направлению основного

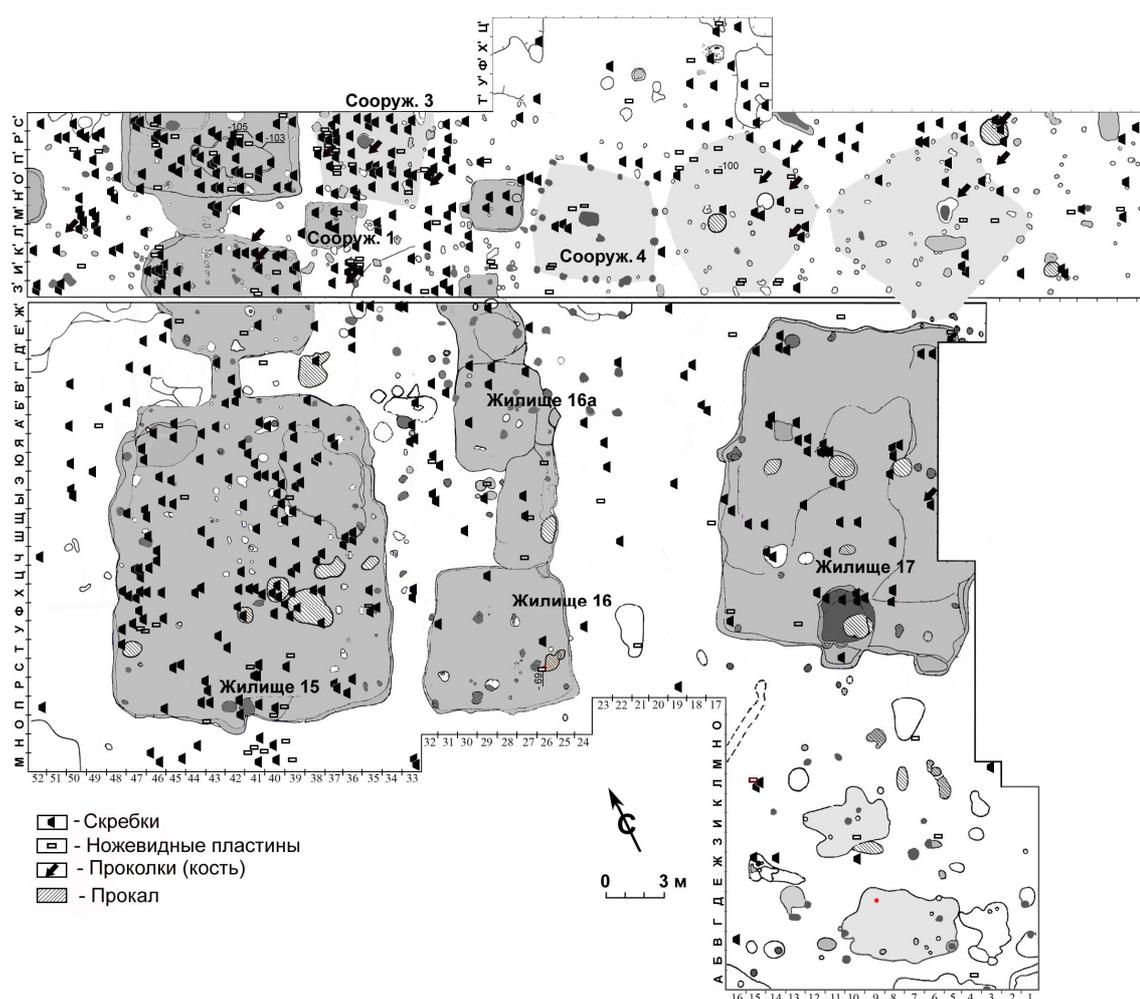

Рис. 1. План распределения каменного инвентаря на площади раскопок поселения Линёво-1

Рис. 2. План распределения каменного инвентаря и следов его производства на площади раскопов поселения Линёво-1

движения обитателей жилища. Во второй камере найдено 46 отщепов. В основном они распределены вдоль восточной и западной стенок котлована. Нуклеусов и отбойников нет. Судя по количеству и расположению находок, постоянного производства в этой части жилища не было, а отщепы попадали сюда случайно с бытовым мусором.

Третья камера жилища 15 вскрыта только частично. Общее количество отщепов в раскопанной части составляет 81 экз. Практически все отщепы связаны с очагом, переходом в камеру 2 и углублением в юго-западном углу котлована. В заполнении камеры встречены также два нуклеуса и ударник. Следы производства каменных изделий прослежены и в котловане жилища 16, где найдено 56 отщепов. Судя по количеству и расположению находок, производственная деятельность здесь была менее интенсивна,

чем в остальных жилищах, и проводилась около очага, расположенного у восточной стенки жилища 16. Концентрация отщепов наблюдается также на территории ряда наземных сооружений поселения. Сооружение № 3 планиграфически фиксируется в виде линзы светло-серой золистой почвы, а также по столбовым ямам каркаса и углубленному в землю центральному очагу. Здесь найдены нуклеус и 118 отщепов. Все они почти равномерно рассеяны по полу вокруг очага. Сооружение № 4 по конструкции идентично предыдущему и представляло собой легкую каркасно-столбовую конструкцию. На его территории выявлены не менее 36 отщепов и нуклеус. Заметная концентрация отщепов прослеживается в районе очага сооружения № 6 – 40 отщепов и нуклеус.

Коллекция скребков поселения Линёво-1 составляет 469 экз. Изделия распределены

по раскопанной территории поселения неравномерно – в ряде жилищ (15, 17) и сооружений их плотность достигает 3–4 на 1 кв. м. В других конструкциях они встречаются в единичных случаях или их нет. В котлованах жилищ 16 и 16а скребки встречены в незначительном количестве – 3 и 8 экз. соответственно. Все находки из котлована 16а относятся к слою зольника и попали сюда в процессе заполнения мусором западины уже покинутого жилища. Отсутствуют скребки и на территории сооружения 11, а основная масса находок, сделанных здесь, связана с бронзолитейным производством. Наибольшее число скребков (149 экз.), выявлено в пределах котлованов трехкамерного жилища 15. В первой камере найдено – 83 экз., во второй – 24 экз., а в раскопанной части третьей камеры – 42 изделия, причем прослеживается явная концентрация находок у очагов и обширных углублений в полу камер 1 и 3. В камере 2 все скребки сосредоточены у стенок и по углам котлована. На территории жилища 17 выявлено 34 скребка, большая часть которых находилась у очагов и в районе ям № 1 и 2, т. е. их расположение полностью совпадает с наибольшей концентрацией отщепов. Концентрация скребков наблюдается также на территории сооружения № 3. Здесь найдено 45 изделий, в основном расположенных у очага и вдоль стенок конструкции. Сооружение № 6 по конструкции идентично предыдущему, однако плотность находок в нем намного ниже: выявлено 17 изделий. Таким образом, основная масса скребков найдена на территории котлованов жилищ 15 и 17 и наземных каркасных сооружений № 3 и 6.

Пластины (132 экз.) являются вторыми по встречаемости каменными изделиями поселения. Наибольшее количество (29 экз.) происходит из жилища 15. В первой и третьей камерах их найдено по 11 экз. В камере 2 встречено семь пластин. На территории сооружения 3 найдено 11 пластин. Здесь они расположены достаточно компактной группой между очагом и северо-западной стенкой конструкции. В остальных каркасных сооружениях находок меньше: в строении 4 – четыре пластины, в сооружении 5 – восемь. Следует также отметить скопление из пяти пластин, найденных в межжилищном пространстве у выступа котлована 1 камеры жилища 15. Таким обра-

зом, планиграфическое распространение пластин практически полностью совпадает с выявленными выше скоплениями скребков, что, видимо, говорит об устойчивой производственной взаимосвязи между этими категориями изделий.

Проведенный П. В. Волковым и Г. Ф. Коробковой функциональный анализ каменных артефактов позволил сделать вывод о том, что доминирующим занятием людей на поселении Линёво-1 была обработка продуктов охоты. Особенно интенсивно работа велась с такими органическими материалами, как рог и кость. Работа со шкурами, вероятно, производилась на открытом пространстве. Об этом косвенно может свидетельствовать отсутствие следов интенсивной обработки камня в сооружениях (жилищах).

Сравнение каменного материала показывает, что содержание одних и тех же пород в выборках из межжилищного пространства и жилищ различно. Доминирование кварцевого кремнистого песчаника в каменном материале памятника в целом означает, что он является определяющим для каменной индустрии и характеризует направленность производственной деятельности обитателей. Существенна разница и в использовании других пород: известняка (1,6 % в межжилищном пространстве и наземных строениях; 11,6 % – в жилищах), диабазов (2,3 и 17,1 % соответственно), песчаников (11,25 и 20,95 %), кремня (4,5 и 0,9 %). По-видимому, эти различия отражают специфику объектов. Кварцевый кремнистый песчаник, кварцит и кремень использовались исключительно для изготовления производственных орудий. Их значительное преобладание в выборке из межжилищного пространства и наземных построек, по всей вероятности, характеризует «производственную территорию». Однако выборка из жилищ свидетельствует о значительно меньшей «производственной деятельности» в их пространстве. Высокое содержание известняка на территории жилищ, возможно, указывает на применение его для изготовления извести (необходимость побелки жилищ?). Почти в 2 раза более высокое содержание песчаников со следами применения в качестве абразивного материала, что зафиксировано при раскопках жилища 16, по-видимому, свидетельствует об употреблении в быту орудий, требовавших периодической заточки. Более

чем восьмикратное преобладание на территории жилищ диабазов и порфиринов отражает какое-то специфическое применение, не свойственное «производственной» территории или слабо проявленное на ней. Следы обжига некоторых из обломков диабазы и присутствие их в зольниках дают основания предполагать его использование в качестве теплоемкого материала для поддержания тепла в жилищах в холодное время.

По источнику происхождения каменное сырье, используемое на поселении Линёво-1, можно разделить на две группы: породы, которым в геологическом строении района имеются надежные аналоги на ближней к памятнику территории и могут быть отнесены к разряду «местное сырье», и те, которые на данной территории отсутствуют («импортное сырье»). К первым должны быть отнесены известняки, граниты, роговики, практически все песчаники (кроме кварцевых кремнистых). Аналоги этим породам имеются в выходах девонских пород на правом берегу Ини и по ее правым и левым притокам в радиусе 5–20 км от памятника. Не имеют аналогов в местном геологическом материале кварцевые кремнистые песчаники, алевропесчаники и алевролиты, а также породы некоторых изделий. Наиболее вероятным источником сырья для изделий из кремнистых пород на Линёво-1 следует считать наименее удаленные от памятника кварцевые кремнистые песчаники и их аналоги яйского горизонта в Притомье – поблизости от Томска [Кулик и др., 2010]. Обращает на себя внимание отсутствие отходов обработки этого каменного материала на памятнике, очень малое количество слабо сработанных нуклеусов и обломков в качестве необработанного сырья или заготовок, что дает основание предположить импорт главным образом уже готовых орудий, изготовление которых производилось на месте выходов сырья. Это тем более вероятно при большом удалении источников сырья, когда транспортировка необработанного камня для изготовления орудий совершенно определенной производственной деятельности нерациональна.

Результаты изучения остеологического материала показывают, что в составе линёвского стада преобладали коровы (35,2%), овцы-козы (26,5%), и лошади (17,4%). Всего к домашним животным (включая собаку) относится 79,8% всех определимых кост-

ных остатков, к охотничье-промысловым видам (включая кости птиц и рыб) – 20,3%. Существенное значение имела охота на лося и бобра.

Судя по остеологическим находкам, состав стада и соответствующий ему тип скотоводства, являющийся жизнеобеспечивающей отраслью для населения поселка, присущ ирменской культуре. Значительной роли пушного промысла остеологический материал не обнаруживает, хотя по немалому количеству небольших каменных скребков, проколов, шильев и игл должен быть достаточно большим. Можно предположить, что у населения поселка Линёво-1 главной целью охоты на пушного зверя были шкурки животных, а тушки оставались на месте добычи.

Сравнительно-типологический и трасологический анализ изделий из кости и рога подтвердил преимущественное направление в хозяйственно-бытовой и производственной деятельности древнего населения Линёво-1. Набор инструментов позволяет выделить основные стадии и операции обработки кож и пошива из них необходимых предметов.

Стадия I – выделка кожи. С этой стадией связаны четыре операции. Первая, грубая первичная выделка кожи – снятие жирового слоя и остатков тканей. В качестве орудий, наряду с каменными скребками, широко использовались костяные струги из нижних челюстей крупного рогатого скота (тупики), двуручные, двулезвийные кожевенные струги. Вторая операция связана с тонкой первичной выделкой кожи – удалением мездры с оборотной поверхности. Использовались скребки из ребер животных и из колотых трубчатых костей, стамески с полукруглым или плоским лезвием. В процессе вторичной грубой выделки кожи (третья операция) происходило разминание ее на деревянной кожемялке, на колене, гладких валунах (этнографические наблюдения), выравнивание мохристости и неровностей после удаления мездры. Эта операция связана с употреблением колотых костей с губчатыми поверхностями, использовавшихся в качестве абразива, астрагалы овец с сильно зашлифованными и сработанными с двух сторон плоскостями. Четвертая операция, которая выполнялась на первой стадии – вторичная тонкая выделка кожи. Это необходимо для придания поверхности выделанной кожи

однородности и эластичности. В качестве орудий употреблялись ложила по коже из ребер и трубчатых костей животных, поверхность которых заглажена и блестящая.

Стадия II – пошив одежды и обуви. С этой стадией связаны две операции. Первая – раскрой материала (разрезание шкур на заготовки необходимого размера и профиля). Для этого применялись каменные скребки и пластины с очень острыми и ровными гранями (резак). Вторая операция – пошив материала (соединение раскроенных лоскутов при помощи отверстий и продеваемых в них нитей или сухожилий животных). При пошиве использовали целый набор инструментов: длинные (14–20 см) заостренные проколки из конических грифельных костей лошади, бронзовые шила с рукоятями из трубчатых с эпифизами костей мелких животных, иглы разных размеров, которые хранили в футлярах-игольницах из трубчатых костей.

Аналоги инструментам для кожевенного производства с Линёво-1 есть в археологических материалах поселений переходного времени от бронзы к раннему железному веку в Верхнем Приобье [Грязнов, 1956. Табл. IX, XI, XV], Мыльниково в Барнаульском Приобье [Папин, Шамшин, 2005. С. 137–146], Чича-1 в Барабинской лесостепи.

Вторым памятником подобного вида является городище Завьялово-5 (Новосибирская обл., Ордынский р-н, устье р. Каракан, левый берег). Хозяйственная деятельность его населения, по мнению большинства исследователей, может быть охарактеризована как комплексная и многоотраслевая с явным преобладанием присваивающих форм [Троицкая и др., 1989. С. 111; Мжельская, 2005. С. 130–131]. В комплекс экономики городища включают скотоводство, охоту, рыболовство и, предположительно, земледелие.

Остеологический материал памятника, несмотря на то, что большая часть его изучена, представлен очень незначительной серией (в среднем 0,41 шт. на 1 кв. м; для сравнения этот показатель на Линёво-1 – 8,72, а на городище Чича-1 – 22,65 шт.). Скотоводство прослеживается только по остеологическим материалам и, судя по их количеству (274 фрагмента на 1 000 кв. м – размер вскрытой площади), значительной роли в жизнеобеспечении поселка не играло. Встречаемость костей домашних живот-

ных на городище – 0,27 шт. на 1 кв. м, причем в это количество включаются и кости собак, которых здесь, по всей видимости, употребляли в пищу. На синхронных памятниках встречаемость костей домашних животных в десятки раз больше (например, на Линёво-1 – 2,28 шт. на 1 кв. м, на Чича-1 – 2,74 шт. на 1 кв. м).

Исходя их особенностей планировки городища, стойловое содержание скота в Завьялово-5 невозможно. Дело в том, что расстояние между котлованами жилищ составляет 1 м и меньше (рис. 3). Проходы при этом многократно поворачивают на 90°, в некоторых местах сужаясь до 0,3 м. В таком лабиринте передвижение по территории поселка крупных животных затруднено, так как они не могли бы развернуться в тесном проходе или преодолеть несколько близко расположенных поворотов. Кроме этого, на городище отсутствует свободная площадка или хозяйственное строение, в котором можно было бы разместить животных. Исходя из этого, можно предположить, что мясо домашних животных поступало в Завьялово-5 извне, либо с содержащегося в каком-то другом месте собственного стада, либо путем обмена из других населенных пунктов.

Охота также не играла значительной роли в экономике городища, на что указывает как небольшое количество костей диких животных, так и практически полное отсутствие охотничьего инвентаря. Несмотря на практически полное исследование территории городища, найден всего один костяной наконечник стрелы.

Существенную роль в экономике городища играло рыболовство [Троицкая и др., 1989. С. 112–114; Сидоров, 1989. С. 37]. Оно документируется остатками ихтиофауны и большим количеством разнообразных грузил (рис. 3). В материалах городища их более 100 экз. [Сидоров, 1989. Табл. 3]. Среди грузил есть экземпляр весом более 2 кг. Е. А. Сидоров считал его лодочным якорем [Троицкая и др., 1989. С. 113].

Последний из числа таких памятников – городище Чича-1 (Новосибирская обл., Здвинский р-н, берег оз. Чича). Хозяйство городища определено как комплексное и многоотраслевое [Васильев и др., 2000. С. 267–268]. Исследователями уже обращалось внимание на специализацию отдельных зон городища в зависимости от различной

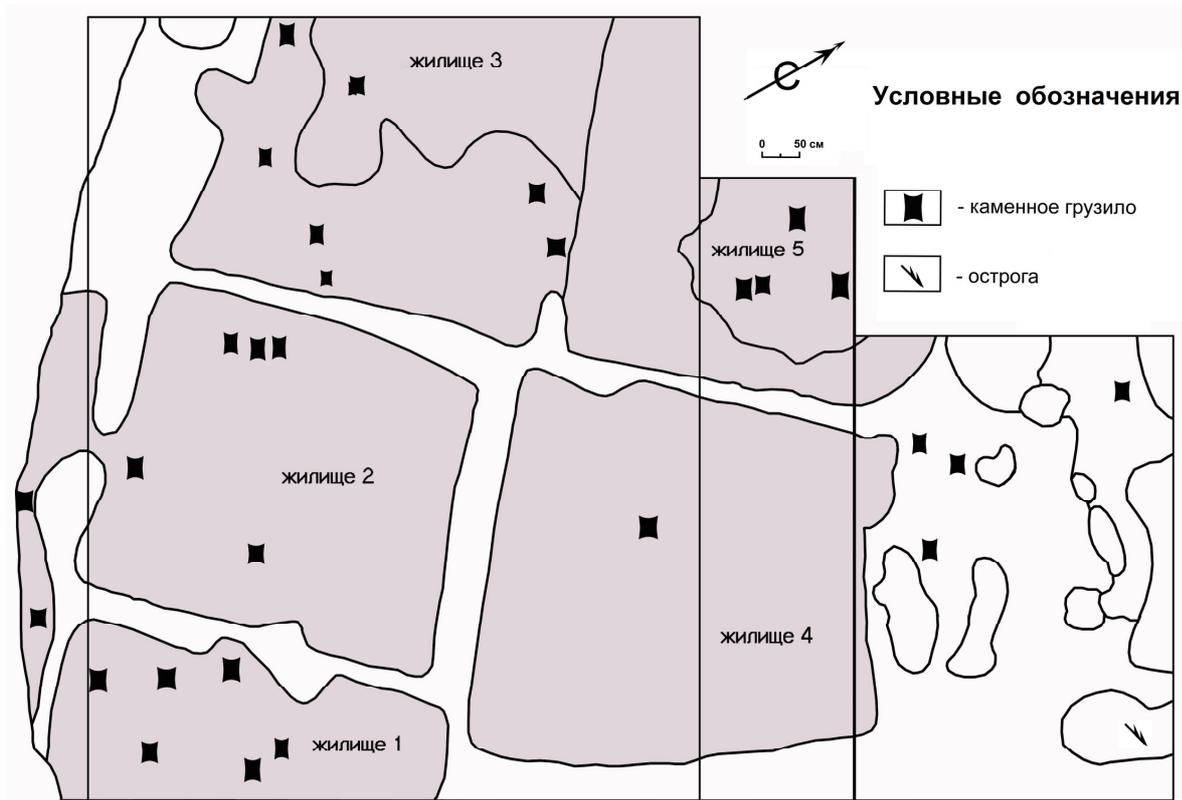

Рис. 3. План распределения грузил в раскопе № 1 городища Завьялово-5

хозяйственной направленности [Васильев и др., 2003; Молодин, Парцигер, 2006. С. 54]. Статистико-планиграфическое изучение орудийного комплекса городища позволило проследить подобные процессы и в других отраслях хозяйства: металлообработке, скорняжном производстве и рыболовстве.

Рыболовство, по всей видимости, играло значительную роль в экономике городища. Согласно данным анализа стабильных изотопов азота в костях жителей поселка, рыбная пища занимала существенную часть их рациона [Шнеевайсс, Приват, 2002. С. 191]. Этот вид хозяйственной деятельности прослеживается по скоплениям рыбьих костей и находкам керамических и каменных грузил для сетей, металлического рыболовного крючка. Планиграфия этих находок указывает на крайне неравномерное распределение их по территории городища. Бронзовый рыболовный крючок известен только в одном экземпляре – на территории жилища 3 жилой зоны II («цитадель»). Грузила представлены серией из 26 экз., среди которых 25 глиняных и два каменных. Подавляющее

большинство из них (23 экз.) найдено на «цитадели» и только 3 экз. происходят с периферии (жилая зона IIIa). Все грузила найдены крупными скоплениями. Семь штук находились в камере 3b (раскоп 6), три – в камере 3 трехкамерного жилища «цитадели», пять – в примыкающем к нему участке рва «А» (раскопы 8 и 13). Три грузила выявлены в котловане строения 17 (раскоп 17). Еще пять связаны с сооружением 9: два грузила найдено в котловане, три – на прилегающей к сооружению территории. На периферии зафиксировано три грузила, два из которых происходят из жилища 2 (раскоп 3) и одно – из ямы № 1 возле строения 18 (раскоп 18). Распределение остатков ихтиофауны более равномерно, однако их большая концентрация в «цитадели» в районе скопления грузил очевидна.

Таким образом, судя по распределению грузил, можно заключить, что в раскопанной части городища наиболее интенсивно рыболовным промыслом занимались жители многокамерного жилища 3 (камер 3 и 3b), строения 9 и 17, хотя потребляло рыбу все население городища.

Следует отметить, что грузила найдены в основном в той части городища и в тех камерах жилищ, где преобладала керамика позднеирменской культуры. Распределение рыболовного инвентаря приводит к мысли об определенной специализации данного вида производственной деятельности. Вероятно, им занималось в основном аборигенное население, возможно, вследствие больших прав на природные ресурсы [Молодин, Васильев, 2010].

Наконечники стрел в материалах городища представлены как бронзовыми, так и костяными изделиями. Среди костяных наконечников (68 экз.) 58 целых предметов, шесть обломков, четыре заготовки. Большая часть (55 экз.) найдена на «цитадели», меньшая – (13 экз.) на периферии. С многокамерным жилищем 3 связано 13 наконечников стрел. Из них шесть (два целых, три заготовки и обломок) найдено в камере 3, шесть – в камере 3а и только один в камере 3б. Еще четыре наконечника (2 целых и две заготовки) находились во рву «В», примыкающему к северной стенке камеры 3. Семь наконечников найдено во рву «А» и на территории между ним и стенкой камеры 3. Со строением 21 связано 20 наконечников стрел, 6 из них найдено непосредственно в котловане, остальные – на прилегающей территории. К сооружению 9 можно отнести 12 наконечников, из них 9 найдены непосредственно в котловане и три – рядом с ним. На периферии наконечники стрел встречены в жилище 2 и на прилегающей к ней территории (раскоп 3) зоны Ша (7 экз.). Еще 7 изделий найдено в районе жилища 12 зоны IVb.

Таким образом, большая часть костяных наконечников стрел найдена на «цитадели» и связана с жилищем 3 (в основном с камерой 3а) и со строениями 9 и 21. На периферии они встречены только в сооружениях 2 и 12.

Бронзовые наконечники стрел (5 экз.), очевидно, боевые. Из них один найден на «цитадели» в строении 3а, остальные происходят с периферии городища: один из сооружения 10, два – из двухкамерного жилища 8-8а, и один найден на поверхности раскопа № 1.

Значительную часть орудийного комплекса городища составляют шилья и проколки. Встречены как металлические, так и костяные инструменты. Бронзовых шильев

19 экз. Распределение их по жилым зонам практически равномерное, на «цитадели» найдено 9 шильев, на периферии 10. Три инструмента найдено в камере 3, один – в примыкающем к его стене участке рва «А». Два шила находились в котловане сооружения № 9. Четыре шила связаны с жилищем 21: одно найдено в котловане, еще три – на прилегающей территории.

Костяные проколки и шилья являются массовым инструментом городища Чича-1. Из 41 орудия – 31 целое и 10 обломков. Большая часть из них (38 экз.) найдена на территории «цитадели». На периферии обнаружено 10 прокопок. Концентрация бронзовых шильев, как правило, связана со скоплением костяных прокопок. По всей видимости, они были задействованы в одних и тех же производственных процессах.

Скребок 11 экз. Пять из них изготовлены из камня, шесть керамические. Восемь скребков найдено в пределах «цитадели», один – на территории жилой зоны Ша (раскоп 3), два – в зоне Шб у прохода рва Е (раскоп 1). В районе сооружения 9 (раскоп 7) найдено два скребка: один в котловане, другой рядом с ним. Из жилища 3 происходят два керамических скребка. В жилище № 17 обнаружен каменный скребок, в сооружении № 20 – еще один. Один скребок находился на склоне берега озерной террасы в раскопе 8, и еще один керамический скребок происходит из подъемного материала, собранного на территории раскопа 6.

Тупиков 16 экз. Орудия изготовлены из камня (9 экз.) и кости (7 экз.). Большая часть (15 экз.) тупиков найдена на «цитадели» и только один – на территории жилой зоны Ша.

Пряслиц 18 экз. Из них 15 предметов происходят с «цитадели» и три с периферии. Два пряслица найдены в жилище 8 зоны Шб, еще одно относится к сооружению 18 жилой зоны Ша. Все пряслица «цитадели» найдены в районе жилых камер 3, т. е. наблюдается зависимость в распространении пряслиц, шильев, прокопок, тупиков и скребков.

Значимой отраслью хозяйственной деятельности населения городища была металлообработка. На его территории зафиксировано не менее 8 бронзолитейных производственных участков: 1 – в «цитадели», 4 – на жилой площадке Ша, 2 – в жилищных камерах зоны Шб, 1 – на территории зоны

IV а. Прослеженная на них концентрация находок (форм, тиглей, ошлакованной керамики), связанная с литейным производством, превосходит все известные памятники равнинной части Западной Сибири [Чича..., 2009. С. 213, 229]. Исследователями также выявлена тенденция к специализации бронзолитейного дела, рост и развитие которого в пределах городища, по всей видимости, сознательно контролировался.

В то же время представляется, что одним из основных видов хозяйственной деятельности насельников городища были транзитные перевозки в направлении запад – восток и север–юг. Использование водной системы Каргат – Малые Чаны – Большие Чаны отмечено исследователями [Чича..., 2004. С. 288]. Расположение на удобных путях сообщения – одна из предпосылок возникновения и успешного развития протогородских центров. Косвенным признаком привлекательности местонахождения городища для населения являются следы его перестроек и расширения [Молодин, Парцингер, 2006. С. 50–51]. Свидетельства торговой деятельности сложно уловить на археологическом материале. Выводы приходится делать на основании анализа комплекса четырех косвенных признаков.

1. Керамический материал западного облика свидетельствует об обширных юго-западных и западных связях [Чича..., 2004. С. 266; Молодин, Мильникова, 2003. С. 147–150].

2. О южных контактах населения свидетельствует не только керамический, но и остеологический материал, содержащий рога сайгака [Васильев и др., 2003. С. 276, табл.].

3. Источник поступления каменного сырья на городище исследователи видят в Среднем Прииртышье (Северный Казахстан) [Чича..., 2004. С. 281].

4. Как было отмечено, на городище фиксируется масштабное бронзолитейное производство [Чича..., 2009. С. 213–230]. Планиграфически на раскопанной части памятника выявляются несколько производственных участков, связанных с обработкой цветных металлов. Большинство их концентрируется в группы, занимающие значительные площади в юго-западной и юго-восточной частях памятника. Группы производственных участков связаны не с отдельными жилищами, а со всем городищем

в целом, так как располагались на общественной территории (либо в заброшенных рвах, либо на специально выделенной и включенной в планировку городища обширной производственной зоне). Найден обломок кассетной формы для отливки слитков, предназначенных для хранения и транспортировки черновой меди. Подобные изделия широко встречаются, начиная с эпохи бронзы, на Кавказе, Северном Причерноморье, Приуралье [Абибулаев, 1965. Рис. 2, 1; Махмудов и др., 1968. Рис. 4, 3]. Спектральный анализ бронзового инвентаря зафиксировал преобладание изделий из чистой меди [Чича..., 2004. С. 278, табл. 19]. Такой состав не характерен для данной эпохи и не встречается на сопредельных территориях. Очистка меди от примесей, видимо, производилась непосредственно на городище путем многократных переплавок. На это может указывать явное количественное преобладание тиглей и ошлакованной керамики над формами.

В целом, на базе проведенного нами анализа достаточно большого объема археологических материалов, относящихся к данной переходной эпохе, на территории Западной Сибири фиксируются три уровня специализации: индивидуальная (в рамках отдельных групп населения внутри поселка) – Линёво-1, Чича-1; общественная (коллективная) – Линёво-1, Завьялово-5; региональная (территориальная) – Чича-1.

Городище Чича-1 – транзитный центр, коммуникационный узел, центр обменных операций и металлообработки, судя по масштабам, направленной не только на обслуживание городища.

На поселении Линёво-1 при развитости всех жизнеобеспечивающих отраслей фиксируется специализированное кожевенное производство. Судя по материалам этого памятника, в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку широко практиковалось использование каменных орудий, но лишь для некоторых (специализированных?) видов деятельности.

Городище Завьялово-5 – поселок рыбаков со слабым развитием остальных отраслей жизнеобеспечивающего производства, что, несомненно, предполагает приток извне какой-то части необходимой продукции.

Таким образом, комплексный подход к изучению всей совокупности данных позво-

лил выдвинуть гипотезу о производственной специализации отдельных поселений в переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа на определенном виде деятельности, выражающемся в получении отдельного вида продукта в количестве, превышающем потребности жителей поселка.

Список литературы

Абибулаев О. А. К вопросу о древней металлургии в Азербайджане (по материалам поселения Кюль-Тепе) // МИА. 1965. № 125. С. 65–73.

Брюсов А. Я. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой, 1926. 127 с.

Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 188 с.

Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С. 109–150. (ТИЭ. Нов. серия. Т. 54).

Васильев С. К., Мильникова Л. Н. Результаты предварительного анализа остеологических материалов с поселения Линёво-1 (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 260–264.

Васильев С. К., Бенке Н., Молодин В. И., Парцингер Г. Результаты предварительного анализа остеологического материала памятника Чича-1 (2000–2002 гг.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 274–278.

Викторова В. Д. Обоснование программы археологического исследования поселений // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 7–14. (Вопросы археологии Урала. Вып. 17).

Гаврилюк Н. А., Усачук А. Н. Обработка кости степными скифами // РА. 1999. № 3. С. 108–123.

Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова Думка, 1982. 225 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 161 с. (МИА. № 48).

Дураков И. А., Мильникова Л. Н. Изделия из металла поселения Линёво-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы. всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004 г.). Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. С. 207–211.

Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изымского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 131 с.

Киселев С. В. Поселения. Социологический очерк // ТСТМ. М., 1928. Т. 2. С. 35–68.

Массон В. М. Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971а. 208 с. (МИА. № 180).

Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии // КСИА. 1971б. Вып. 127. С. 3–9.

Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4. С. 16–26.

Мжельская Т. В. Хозяйство населения Верхнего Приобья в переходное время от бронзового века к железному // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 1. С. 126–132.

Молодин В. И., Васильев С. К. Городище Чича: аборигены и мигранты (традиционная хозяйственная деятельность и адаптация к новым условиям // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 72–78.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н. Бинокулярная микроскопия керамики городища Чича-1 // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 147–151.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н. Керамика поселения Линёво-1 переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 400–405.

Молодин В. И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 49–55.

Мильникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. В., Кобелева Л. С. Археоло-

гическое изучение поселения Линево-1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10, ч. 1. С. 390–393.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. В., Мыльников В. П., Невзорова И. В., Савин А. Н., Паринов Р. О. Исследование поселения Линёво-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 459–463.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. В., Савин А. Н., Кобелева Л. С., Сяткин В. П., Паринов Р. О. Работы на поселении Линево-1 в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 431–436.

Папин Д. В., Шамишин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. 202 с.

Пряхин А. Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993. Кн. 1. 108 с.

Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1996. Кн. 2. 176 с.

Рындина Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). М.: Едиториал УРСС, 1998. 288 с.

Сидоров Е. А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Экономика и общественный строй древних и

средневековых племен Западной Сибири / Новосибир. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1989. С. 16–40.

Смирнов А. П. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. н. э. // ТСТМ. М., 1928. Т. 2. С. 69–89.

Троицкая Т. Н., Зах В. А., Сидоров Е. А. Новое о завьяловской культуре // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 103–116.

Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 240 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН; Берлин, 2004. Т. 2. 336 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Г. Парцингер, С. К. Кривоногов и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Шнеевайсс Й., Приват К. Исследование палеодиеты методом анализа стабильных изотопов азота в косном коллагене // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. С. 188–191.

Материал поступил в редколлегию 31.01.2011

L. N. Mylnikova, I. A. Durakov, T. I. Nokhrina, N. A. Kulik, V. P. Mylnikov, L. S. Kobleva

PRACTICE SETTLEMENT STEPPE ZONE OF WESTERN SIBERIA AT THE TURN OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGES

Based on comprehensive analysis of the basic materials of archaeological sites in Western Siberia at the turn of the Bronze and Iron Ages in the article puts forward the idea of industrial specialization of individual settlements in the particular type of activity, reflected in obtaining a particular type of product in excess of the needs of the township.

Keywords: West Siberia, Late Bronze Age, Early Iron Age, transitional period, settlements, specialization, techno-complex, mineralogy, trasology.